

Новая Золушка

Надя Михалкова станет русской Гвинет Пэлтроу

Уже давно в Москве не случалось таких грандиозных акций. Светская, модная, стиля и прочая жизнь стала обычной, скучной и совсем не впечатляющей. Журнал «Vogue» решил исправить эту ситуацию и втайне от всех начал готовить бомбу. А то, что это бомба, сомнений нет. В этом убеждает все: и секретность, с которой охраняют эту акцию, и слухи, которые ползли по Москве, при том что никто точно не мог понять, что именно происходит. В Москве решили сделать Гвинет Пэлтроу. Или Грейс Келли. Или Одри Хепбери. Точные аналоги неважны. Главное: у нас должна появиться суперзвезда. Российская. Мирового класса.

Анна КОВАЛЕВА,
Татьяна ДОЛМАТОВСКАЯ,
Елена УЛАНЦЕВА (фото)

Надя Михалкова не очень похожа на Золушку — слишком мало подходящих данных. Вместо злой мачехи — любящая мать, вместо безвольного отца — Никита Михалков, которого так уж точно не назовешь. Нет, соответственно, и простирающихся от сочетания злой мачехи и безвольного отца несчастий. Но то, что произошло с Надей в результате акции «Vogue», поддается только такому определению: Золушка превратилась в принцессу.

Наде Михалковой многие не могут простить отца. И дедушки. И «Оскара», которого она получала, сидя у папы на руках. Одни увидели ее в «Утомленных солнцем» и подумали: «Какой милый ребенок!». Другие вздохнули: «Губят ребенка славой». И только немногие поняли: Надя в самом деле неплохая актриса. В будущем. «Vogue» решил создать маленькой актрисе прошлое, настоящее и будущее одновременно. Сделать с ней еще один фильм. Только фото. И не про жизнь, а про стиль. Показать, как стиль может изменить человека. Из угловатого подростка сделать чувственную красавицу.

Мама (она же — Татьяна Михалкова):

— Я очень волновалась. Хотелось все время подсказать, как лучше. Надя всегда была такой, как в «Утомленных солнцем», — шнурок, шпингалет, который везде за тобой ходит, и вдруг я увидела взрослую барышню! Даже не знаю, как себя вести. Раньше все было методом приказа, а теперь надо, наверное, на равных. В каждом времени она такая разная, даже не верится, что это одна и та же девочка. Многое зависит от грима, ракурса, вешней, но нужно иметь характер, чтобы получилось. Я не думаю о ее будущем, дети так быстро растут, что я не успеваю за ними своими мыслями. Просто радуюсь, какая она сейчас, ничего не загадывая.

Надя совсем не femme fatale. Все запомнили ее маленьким че-ловечком, который, смешно морща нос и повисая на папиной щеке, кричал: «Утконос!». Теперь ей четырнадцать, но если спросить, как выглядит Надя Михалкова, скажут: «Маленькая, смешная, утконос». После этого «фильма» — посмотреть его можно будет в декабрьском номере «Vogue» — никто и не вспомнит про утконоса. Новая Надя Михалкова прошла несколько эпох. Посещала рабфак в 20-х. Сыграла в театре в 30-х. Закончила школу в 40-х. Пробежала по подиуму в 50-х. Разумеется, пообщалась с романтиками и интеллектуалами в 60-х. И оторвалась по полной программе.

Как делают звезду: в костюме двадцатых годов от Татьяны Парфеновой

80-х. Почему выбрали именно эти годы, а не, скажем, XVIII или XIX век, понятно. Именно эти годы отражают модные тенденции в коллекциях осень-зима 2000–2001. И это справедливо: если уж и делать звезд, то современных. Странно другое. Почему взрослый журнал решил переключиться на детей, неужели не осталось хороших взрослых? Как сказала Алена Долецкая, «Надя — девочка, в которой виден потенциал женщины. Очень одаренной женщины». Результат «фильма», снятой одним из самых известных фотографов, Владимиром Фридкесом, можно охарактеризовать одним словом — «Ах!». Даже строгий папа, который был против, в итоге признал свою неправоту. Сама героиня относится ко всему намного проще, чем окружающие ее взрослые.

— В каком времени ты чувствовала себя лучше всего?

— Я всегда найду, чего не хватает в моем лице. Поэтому важно мнение других. Больше всего понравилось на карусели. Кажется, это пятидесятые годы. Костюм теплый, а на улице было холодно. Я удобно себя чувствовала, и потом — мне нравятся пышные юбки.

— Но ты себе понравилась?

— Не знаю. Фотография вроде нормальная, а я...

— Что такое, по-твоему, стиль?

— Когда удобно носить, когда сама выбираешь, даже если кому-то не нравится. У нас с мамой всегда разногласия. Ей надо, чтобы все подходило: туфельки к сумочке, сумочка к юбочке, юбочка к пиджаку, прическа опять же... А я как причесалась с утра, так и хожу. У нас на даче в компании никто не следит, кто как одет. Мы же гуляем, снег, грязь... Конечно, не хожу как бомж. У нас с мамой договор: когда я выхожу куда-то, она советует, но только так, чтобы у нас сходилось, а когда я дома, могу ходить в чем мне нравится. Юбки я не люблю. В юбке надо сесть одна нога к другой и сидеть. А я все время бегаю куда-нибудь — наверное, в папу. Люблю штаны со стрелками, рубаш-

ки и свитер сверху. А мама кричит, что как мальчик. Она все время пытается меня одеть, чтобы без рукавов. Смотрю на себя в

она зимой и летом без колготок ходит. Идет зимой в театр, снег, все в шубах, а она — с голыми плечами, без колготок, туфли без

Папа (он же — Никита Михалков):

— Не жалко отдавать ребенка во взрослые игры?

— Ну, я не очень-то отдаю... С другой стороны — все равно нужно привыкать к публичности. Чем раньше она начнет понимать, что это божий промысел, тем бережнее будет к этому относиться. Иначе наступят чудовищное разочарование и одиночество...

— Вас не испугало то, что она такая взрослая?

— Откровенно говоря, испугало. И насторожило. Наверное, это бытовое беспокойство. Но я рассчитываю на ее интуитивную мудрость и хороший вкус. А они у Нади есть.

— Родители придумывают будущее детям. Надено вы придумали?

— Она должна получить образование: знать живопись, хотя бы русскую, литературу, языки, историю. Думаю, она сможет работать где угодно, ей по плечу любая гуманитарная профессия. Но я бы хотел, чтобы Надя стала актрисой, она очень одарена в актерском деле. У нее поразительная внутренняя подвижность, редчайшая, сложнейшая... Не могу понять, откуда такая техника. И при этом нет тяжелого ощущения собственного «я», не несет его, как хоругвь, перед собой. Надя — самостоятельный человек. И с внутренней гордостью. Если ей в школе неправильно поставили оценку, никогда не попросит: «Папа, сходи к директору». Пойдет сама, хоть к министру образования. У нее есть замечательное качество — она добивается своего.

зеркало: какой кошмар, уберите это отсюда. Но мне нравится мамин вкус. Ее можно за 150 километров узнать, все время бантик торчит из толпы. И по ногам —

задника. Меня спрашивают: «У тебя мама не морж случайно, не закаляется?» Ее закалила работа, наверное. Я так не могу. Сразу температура сорок, кровать, мед,

«Больше всего понравилось на карусели. Кажется, это пятидесятые годы». (Костюм от Виктории Андреевой)

чай — «больше никогда в таком виде на улицу не выйду!».

— Ты себе для жизни какой-нибудь стиль оставил?

— Мне бы хотелось вернуть пышные юбки — ходишь, а она вместе с тобой шатаются, но их не вернуть, и посмотрят как на сумасшедшую.

**Алена Долецкая
(главный редактор
«Vogue»
и идеолог акции):**

— Первый раз я увидела ее два года назад. Меня поразил взгляд: очень спокойный и внимательный взгляд взрослого человека. И сочетание ее взрослости, физиологической детскости и удивительно тонкой игры в фильме создало ощущение, что я смотрю на будущую звезду, только, похоже, это не всем понятно, и поэтому все ее держат просто за дочку известного режиссера. Недавно мы снова встретились, и я увидела, что это совсем не та маленькая девочка, которая мне так понравилась два года назад, а молодая женщина, которая как персонаж меня привлекает гораздо больше. Тогда мы и решили устроить эту съемку, которая в известном смысле была почти киносъемка. Не знаю, будем ли продолжать эту акцию, повторяться не хочется, но посмотрим.

— Тебя не стригли для этой съемки?

— Для этой нет. Здесь у нас с мамой тоже разногласие. Мама любит длинные волосы, а я короткие. Я говорю: «Мам, ну пожалуйста, ну только один раз». А она говорит: «Ладно, лучше сейчас, чем в двадцать лет. Только смотри, подстрижешься, я тебе уже ничем помочь не смогу». Подстриглась, мне понравилось. У меня волосы сверху пышные, а внизу как пакля, облезают. Когда короткие, хочется длинные, а когда длинные, когда короткие вырастают — у-у-у!

— Ты и модель, и актриса, и школьница. Чего хочется больше?

— Актриса! Я живу этим. Читаю книги, сразу хочется на себе испытать. Прихожу к папе на съемку, руки чешутся: «Папа, ну дай я в массовке хотя бы побуду, не могу больше сидеть, поставь куда-нибудь». «Надя, ну куда я тебя поставлю, дай спокойно поработать?». Когда папа снимает, хочется встать в кадр и стоять, пока в другое место не переставят. Самое тяжелое в съемках, когда вживаешься в обстановку, в людей, так со всеми сроднился, как будто еще не родился, а уже их знал, потом приходишь домой, а там как не твое все, пустота... Самый ужасный — последний день, последний час, когда приносят торты и все: «Спасибо за съемку». Мне кажется, важно первое ощущение. Если понравится, будешь делать. Нет — никто не заставит. То же самое было и с «Утомленными солнцем», и с «Vogue». Мне так понравилось, что я с удовольствием и пятьдесят раз бы повторила...

Михалкова на карусели (фото)